

СИГНАЛ

Книга 1

2117. ХАНТАВИРУС. СИГНАТУРА.

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
«2117». Хантавирус. Сигнатура.
Серия «СИГНАЛ», книга 1

<https://litres.ru/74022364>

SelfPub; 2026

Аннотация

На круизном лайнере «Hondius» у берегов Кабо-Верде вспышка хантавируса. Трое пассажиров мертвы. Сто сорок шесть заперты на борту. ВОЗ говорит о «низком риске».

Аналитик Кира Соболева получает задание проверить санитарные условия на лайнере. Она быстро понимает: её отправили туда, чтобы она ничего не нашла. Вместе с вирусологом Сэмом Диазом и журналисткой Хадижей Мансар она начинает собственное расследование.

Вирус оказывается модифицированным — кто-то редактировал его геном. Свидетели, знающие правду, умирают один за другим. Следы ведут к частной организации «Гераклит», которая готовит новую, куда более масштабную активацию. Цель — круизный лайнер «Crown of the Seas», отплывающий из Майами с 4300 пассажирами. Времени у команды — всего несколько дней.

Первый роман остросюжетной серии «Сигнал».

Содержание

Дисклеймер	4
ПРОЛОГ. «Борт RH217. Йоханнесбург – Франкфурт»	5
ЧАСТЬ I. «КЛАССИЧЕСКАЯ СХЕМА»	17
ГЛАВА 1. «Женевский коридор»	17
ГЛАВА 2. «Балтиморская аномалия»	28
ГЛАВА 3. «Три новости»	39
ГЛАВА 4. «Портовая папка»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мурат Карадениз «2117». Хантавирус. Сигнатура.

Дисклеймер

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Борт RH217. Йоханнесбург – Франкфурт»

Ночь над Африкой. Чёрный океан внизу, звёзды вверху. И между ними — одинокая серебристая точка.

Боинг 737, переоборудованный под санитарную авиацию, шёл на эшелоне 350. На фюзеляже — красный крест и надпись «AirMed International». Внутри, за иллюминаторами с затемнёнными стёклами, горел только тусклый аварийный свет.

Салон выглядел как операционная на колёсах. Три ряда кресел для медперсонала, два монитора с зелёными кривыми, стойка с инфузионными насосами. И в центре — изоляционная капсула: прозрачный пластик, алюминиевый каркас, перчаточные порты по бокам. Система подачи кислорода тихо шипела, поддерживая отрицательное давление внутри.

В капсуле лежал человек.

Ему было шестьдесят девять лет. Гражданин Великобритании, бывший инженер-химик, в последние годы — консультант фармацевтической корпорации. Две недели назад он чувствовал себя прекрасно. Теперь его кожа была серо-жёлтой, глаза запали, губы потрескались. Он не спал уже трое суток — не потому, что не хотел, а потому, что дыхание

останавливалось каждый раз, когда он закрывал глаза.

— Давление — 90 на 60, — сказала акушерка по имени Анна, косясь на монитор. — Сатурация — 74. Падает.

Медбрат из Кении по имени Джозеф проверил подачу кислорода. Система работала исправно. Капсула была герметична. Пациент получал 10 литров кислорода в минуту — этого хватило бы здоровому человеку, чтобы бежать марафон. А этот просто лежал, и каждые десять секунд датчики фиксировали апноэ.

— Его лёгкие отказывают, — сказал Джозеф.

— У хантавируса нет лёгочной формы, — возразила Анна. — Это вирус почек. Геморрагическая лихорадка с почечным синдромом.

— Скажите это его почкам. Они в порядке.

Правда была в том, что никто из них никогда не видел такого течения болезни. Пациент был единственным лабораторно подтверждённым случаем хантавируса после вспышки на круизном лайнере у берегов Кабо-Верде. На борту того судна оставались ещё сто сорок восемь человек, и трое уже были мертвы. Но ВОЗ заверяла: угроза низкая, ограничения на поездки не нужны, обычные санитарные меры.

Анна тогда поверила. Сейчас — нет.

Монитор пискнул. Сатурация упала до 68 процентов.

— Надо связаться с Франкфуртом, — сказала она. — Посадка через три часа. Может, он не дотянет.

Джозеф кивнул и потянулся к спутниковому телефону.

Но не успел.

Пациент открыл глаза.

Это не было пробуждением в привычном смысле. Веки поднялись, но взгляд остался стеклянным, устремлённым в потолок капсулы. Пальцы дёрнулись — раз, другой. Губы зашевелились.

Джозеф наклонился ближе. Он единственный на борту говорил по-суахили — в Найроби это родной язык для половины города.

И он слышал.

Сначала ничего. Просто хрип — воздух проходил через пересохшее горло. Потом слог. Потом слово. Потом целая фраза.

«Hawajihitaji mimi... wanahitaji yule aliyekohoa kwenye bafa».

Джозеф замер.

— Что он сказал? — спросила Анна.

Медбрат перевёл, запинаясь:

— «Им нужен не я. Им нужен тот, кто чихнул в буфете».

Тишина в салоне стала плотной, почти осязаемой.

Затем пациент судорожно вздохнул — один раз, два. Глаза закатились. Монитор запищал на высоких тонах. Сатурация упала до 41 процента. Пульс — до тридцати ударов.

Анна уже открывала перчаточный порт, чтобы дотянуться до пациента, когда Джозеф схватил её за запястье.

— Не открывай.

— Он умирает!

— Если это заразно через воздух — мы все умрём.

Она замерла с рукой на перчатке. Пациент перестал дышать.

Монитор пропищал последний раз — плоская линия. Пульс — ноль. Сатурация — ноль.

В капсуле лежало тело.

— Закрой его, — сказала Анна, опуская руку. — Мы ничего не можем сделать.

Джозеф перевёл взгляд с монитора на прозрачный пластик. Пациент выглядел спокойным. Даже мирным. Никакой агонии, никаких конвульсий — просто остановка.

Но датчик кислорода внутри капсулы показывал ноль процентов.

— Этого не может быть, — сказал Джозеф.

— Что — чего? — не поняла Анна.

— Кислород. Ноль процентов. Система исправна, баллоны полные, клапаны открыты. А внутри капсулы — ноль. Как будто воздух исчез. Кто-то высосал его оттуда.

Анна подошла к монитору экстренной связи. Нажала кнопку вызова наземного диспетчера.

— RN217 вызывает Франкфурт. У нас смерть пациента. Повторяю, смерть пациента. Причина неясна.

В ответ — шипение. Потом голос, мужской, с немецким акцентом:

— RN217, не садитесь во Франкфурте. Перенаправляем

вас в Берлин. Клиника Шарите, корпус CBRN. Повторяю — Берлин. Вас встретят.

— Какой корпус? — переспросила Анна. — CBRN? Это же химическая, биологическая, радиологическая защита. Зачем нам туда?

— Не задавайте вопросов. Следуйте указаниям.

— Но у нас погибший. И мы не знаем от чего.

— Поэтому и летите в Берлин.

Связь прервалась.

Джозеф посмотрел на Анну. Анна посмотрела на капсулу.

Тело шестьдесят девять лет, бывший консультант фарм-корпорации, единственный лабораторно подтверждённый хантавирус. И фраза на суахили о том, кому на самом деле нужен.

— Тот, кто чихнул в буфете... — повторил Джозеф шёпотом. — О ком он говорил?

Анна не ответила.

Три часа спустя самолёт приземлился в Берлине. Не в основном терминале — на отдельной площадке, окружённой бетонными блоками и колючей проволокой. Два чёрных внедорожника с мигалками стояли под крылом. Люди в полных костюмах биологической защиты выгрузили капсулу и увезли на каталке в здание без окон.

Ровно через сорок минут патологоанатом клиники Шари-

те по имени доктор Эрика Фогель начала вскрытие.

Тело было чистым. Никаких внешних повреждений. Никаких признаков борьбы. Никаких укусов грызунов — классического пути передачи хантавируса.

Она открыла грудную клетку и увидела лёгкие.

Они были не розовыми, не красными, даже не чёрными от курения. Они были серыми. Твёрдыми. Как будто кто-то заменил живую ткань на влажный цемент.

— Что это? — спросила ассистентка.

Фогель молча вырезала фрагмент ткани и поместила под электронный микроскоп. Изображение появилось на экране.

Альвеолы — лёгочные пузырьки, которые должны быть пустыми или заполненными воздухом, — были забиты. Не жидкостью, не кровью, не воспалительным экссудатом. А кристаллическими структурами. Идеально правильной формы. Похожими на снежинки, но с геометрией, которую Фогель видела только в учебниках по нанотехнологиям.

— Что это за хрень? — выдохнула ассистентка.

Фогель не ответила. Она перешла к сердцу. Разрезала лёгочную артерию.

Там был тромб. Большой, плотный, почти полностью перекрывающий кровоток.

— Вот причина смерти, — сказала Фогель. — Массивная тромбоэмболия лёгочной артерии.

— Но при хантавирусе нет тромбов такого размера, — возразила ассистентка. — Геморрагическая лихорадка —

это кровотечения, а не свёртываемость.

Фогель сняла перчатки и взяла телефон. Набрала номер, который ей дали вместе с указанием о вскрытии.

— Доктор Фогель. Я закончила.

— Что у него? — спросил голос на другом конце провода.

— Он умер от тромба, которого не могло у него быть. И в лёгких — кристаллы. Я таких раньше не видела. Это не вирус.

Голос помолчал.

— Уничтожьте образцы. Отчёт сделайте стандартный: сердечная недостаточность на фоне вирусной инфекции. Никаких кристаллов.

— Но...

— Никаких кристаллов, доктор Фогель. Завтра на вашем счету будет бонус. Всё остальное вас не касается.

Связь оборвалась.

Фогель долго смотрела на экран — на снежинки в лёгких мёртвого человека. Потом выключила микроскоп.

Она была хорошим врачом. Но она была ещё и матерью-одиночкой с ипотекой и двумя детьми в частной школе.

Образцы были уничтожены.

Кроме одного — того, который она успела спрятать в пластиковый контейнер и положить в карман халата, пока ассистентка отвлеклась.

Четыре часа спустя. Женева. Набережная Вильсон, 12.

Кира Соболева сидела в своей съёмной квартире с чашкой холодного чая и смотрела на экран ноутбука. На часах было три утра.

Она не спала почти сутки — сначала разбирала отчёты с Кабо-Верде, потом читала противоречивые сводки ВОЗ, потом наткнулась на короткое сообщение в закрытом канале медицинской авиации: «RH217 перенаправлен в Берлин. Пациент скончался. Причина — тромб, несовместимый с первичным диагнозом».

Кира не была вирусологом. Она была аналитиком паттернов — человеком, который видел то, что не складывалось. Три года назад она работала в европейском агентстве по расследованию гибридных угроз. До этого — полевым координатором в «Врачах без границ». Она видела вспышки в Руанде, Нигерии, на Филиппинах. Она научилась отличать реальную эпидемию от искусственной паники.

И это, чёрт возьми, пахло искусственным.

Она открыла отчёт, присланный анонимным источником из Берлина — тот самый, с данными вскрытия, которые «были уничтожены».

Хантавирус. Лабораторное подтверждение. Мужчина, 69 лет. Причина смерти: массивный тромб лёгочной артерии. Дополнительно: кристаллические включения в альвеолах.

Природа неизвестна.

Кира прокрутила ниже. Там был текст на суахили — слова, записанные медбратом Джозефом.

«Hawajihitaji mimi. Wanahitaji yule aliyekohoa kwenye bafa».

Машинный перевод внизу страницы: «Им нужен не я. Им нужен тот, кто чихнул в буфете».

Кира положила телефон на стол и уставилась в потолок.

«Тот, кто чихнул в буфете». Не «кто укусил», не «кто был рядом», не «кто принёс заразу из джунглей». Чихнул в буфете. То есть — на лайнере. Во время еды.

Она подумала о трёх мёртвых пассажирах на Hondius. О запрете высадки. О ВОЗ, которая повторяла «риск низкий, ограничения не нужны».

Она подумала о том, что этот британец был единственным лабораторно подтверждённым случаем, а остальные так и числились «подозрительными».

Она подумала о тромбе, которого не может быть при хантавирусе.

И о кристаллах в лёгких, которые исчезли из отчёта, но попали к ней на стол.

Кира взяла телефон. Нашла контакт. Нажала вызов.

Три гудка. Четыре. Пять.

— Кира. Три часа ночи, — голос был хриплым, сонным, но в нём чувствовалась тревога.

Сэм Диаз. Единственный человек, который мог понять, о

чём она говорит, не переспрашивая.

— Сэм. Он не умер от вируса.

— Кто?

— Британец. Единственный подтверждённый хантавирус с Hondius. Его везли в Берлин, но он умер в воздухе.

— И от чего он умер?

— Тромб. Массивный тромб лёгочной артерии.

Пауза. Сэм проснулся окончательно. Она слышала, как он сел на кровати.

— При хантавирусе не бывает тромбов такого размера. Геморрагическая лихорадка — это кровотечения. Противоположность свёртываемости.

— Я знаю.

— Тогда что, чёрт возьми, происходит?

Кира посмотрела на фразу на суахили, всё ещё открытую на экране.

— Не знаю. Но перед смертью он сказал кое-что странное. Медбрат записал.

— Что именно?

Она прочитала. Сэм молчал.

— Это имеет смысл только в одном случае, — наконец сказал он.

— В каком?

— Если они проверяли не его. Если он был случайной жертвой. А настоящая цель — тот, кто ещё на борту. Тот, кто чихнул в буфете. Кто-то, кто является носителем, но не

болеет.

— Ты думаешь, это биологическое оружие?

— Я думаю, Кира, что хантавирус не мутирует сам по себе в лёгочный тромб с кристаллами. Кто-то сделал это намеренно. И если они всё ещё на том лайнере...

— То вспышка не закончена, — закончила она за него.

В трубке было слышно только дыхание.

— Кира, — сказал Сэм. — Не вмешивайся. Если я прав, то люди, которые это сделали, не остановятся перед тем, чтобы убрать свидетелей.

— Слишком поздно, Сэм. Завтра я лечу на Кабо-Верде. ВОЗ посылает меня «проверить санитарные условия».

— Это ловушка.

— Знаю.

Она сбросила вызов, выключила ноутбук и подошла к окну.

Женева спала. Фонари отражались в чёрной воде озера. Где-то там, на юго-запад, за четыре тысячи километров, стоял на якоре лайнер со 149 людьми. Трое уже были мертвы. Несколько госпитализированы. И никому не было дела до того, что кто-то чихнул в буфете.

Кира закрыла шторы.

Она знала, что не должна ехать. Знала, что это подстава. Знала, что её могут убить.

Но она знала ещё кое-что: если такие люди, как она, не будут копать там, где им приказано не копать, то мир очень

быстро станет местом, где правду говорит только тот, у кого самый громкий голос.

А самые громкие голоса всегда принадлежат тем, кто платит за эфир.

Она легла, но не сомкнула глаз.

За стеной тикали часы. Каждое тиканье отмеряло время до того момента, когда она ступит на борт самолёта в неизвестность.

И когда она закроет глаза в последний раз перед вылетом, то увидит не темноту, а фразу на суахили, которая не давала ей покоя.

«Им нужен не я. Им нужен тот, кто чихнул в буфете».

Кому нужен? И зачем? И почему ВОЗ говорит «риск низкий», когда на лайнере уже трое мертвецов?

Она не знала ответов. Но была уверена в одном: через неделю она их получит.

Или не получит никогда.

ЧАСТЬ I.

«КЛАССИЧЕСКАЯ СХЕМА»

ГЛАВА 1. «Женевский коридор»

Штаб-квартира Всемирной организации здравоохранения в Женеве — это здание, которое пытается выглядеть дружелюбным, но у него плохо получается. Стеклопанные фасады, флаги всех стран-участниц, зелень вокруг. Архитектор явно хотел сказать: «Мы открыты, мы прозрачны, мы здесь, чтобы помогать». Но внутри — коридоры, которые петляют, двери, которые не подписаны, и воздух, который пахнет дезинфекцией и бюрократией. Как в больнице и правительстве одновременно.

Кира Соболева прошла через металлодетектор в 8:47 утра. На три минуты раньше назначенного времени — привычка, выработанная годами полевой работы. Всегда приходи чуть раньше. Осмотрись. Отметь выходы.

Она не была в этом здании почти год. Последний раз — когда давала показания по вспышке в Руанде. Тогда всё прошло чисто: она назвала факты, комиссия кивнула, отчёт лёг в папку с грифом «для служебного пользования». Никто не задавал лишних вопросов. Никто не смотрел на неё так,

как смотрел сейчас охранник на пропускном пункте — чуть дольше, чем нужно. Будто проверял не документ, а её лицо.

— Восьмой этаж, конференц-зал С, — сказал он, возвращая пластиковую карту. — Вас ждут.

Не «вас ожидают», не «пройдите, пожалуйста». Просто — «вас ждут». С намёком.

Лифт пах озоном и старым ковровином. Кира нажала кнопку «8» и посмотрела на своё отражение в полированной стали. Тридцать пять лет. Тёмные волосы собраны в низкий хвост. Под глазами — тени от бессонной ночи. Она не спала после звонка Сэму. Не могла. Фраза на суахили врезалась в память, как заноза.

Двери открылись. Коридор восьмого этажа был пуст. Только таблички на дверях: «Финансовый отдел», «Отдел кадров», «Архив». И в конце — «Конференц-зал С». Без окон. Как почти всё в этом здании.

Она постучала. Вошла.

Внутри было четверо.

За длинным столом из светлого дерева сидели три человека в строгих костюмах. Кира узнала двоих: Марта Шнайдер, юридический советник ВОЗ, женщина с лицом, которое, казалось, никогда не улыбалось. Пьер Дюбуа, глава отдела коммуникаций — мятый, нервный, с пятном от кофе на галстукке. И третий — незнакомый азиат в идеально выглаженной рубашке, без пиджака, с бейджем, который Кира не успела прочитать.

Но главным был не за столом.

Главный стоял у окна — единственного в этой комнате, выходящего во внутренний двор. Человек с седыми волосами, зачёсанными назад, в тёмно-синем костюме без единой складки. Ему было под семьдесят, но держался он как военный — прямая спина, чуть развёрнутые плечи. Когда Кира вошла, он повернулся, и она сразу узнала его.

Ханс Клюге.

Глава европейского офиса ВОЗ. Живая легенда. Человек, переживший три пандемии: свиной грипп, Эболу, COVID. Он давал пресс-конференции, когда мир рушился. Он говорил «не паникуйте», и люди почему-то слушали. Он был тем редким бюрократом, который внушал доверие просто тем, что не выглядел как бюрократ.

И сейчас он смотрел на Киру так, будто оценивал — стоит ли тратить на неё время.

— Мисс Соболева, — сказал он. Голос низкий, с лёгким немецким акцентом. — Проходите, садитесь. У нас мало времени.

Кира села на свободный стул напротив троицы в костюмах. Клюге остался стоять у окна — так он оказывался выше всех. Классический приём доминирования.

— Вы знаете, зачем мы вас вызвали, — сказал он. Это не было вопросом.

— Предполагаю, что это связано с круизным лайнером у берегов Кабо-Верде, — ответила Кира.

Клюге кивнул, как учитель, довольный ученицей.

— Hondius. 149 человек на борту. Трое погибших. Несколько госпитализированы. Местные власти ввели карантин, запретили высадку. Общественность начинает нервничать.

— Правильно делает, — сказала Кира.

Тишина. Марта Шнайдер поджала губы. Пьер Дюбуа заёрзал. Азиат в рубашке не изменил выражения лица.

Клюге улыбнулся — уголками губ, без тепла.

— Мы не собираемся сеять панику, мисс Соболева. Предварительный анализ показывает обычную кишечную инфекцию. Возможно, норовирус. Возможно, что-то ещё. Но это не пандемия.

— Тогда зачем я здесь?

— Вы здесь, потому что нужно провести формальную проверку санитарных условий на борту. Убедиться, что нет нарушений, которые могли привести к вспышке. Составить отчёт. Успокоить общественность.

Кира слушала его внимательно. Слишком внимательно. Потому что слова Клюге звучали правильно — ровно так, как должен говорить чиновник, который хочет закрыть вопрос. Но что-то было не так.

— Почему я? — спросила она.

— Вы аналитик паттернов, — ответил Клюге. — Вы видите то, что не складывается. А здесь всё складывается. Не ищите проблему там, где её нет.

Вот оно. «Не ищите проблему там, где её нет».

Кира слышала эту фразу раньше. Она всегда предшествовала проблемам. Крупным.

— Когда вылет? — спросила она.

— Сегодня вечером. Рейс Женева — Дакар, затем пересадка на Кабо-Верде. Все документы у секретаря.

Клюге подошёл к столу, взял папку из тёмного картона и протянул Кире. Она взяла. Папка была лёгкой — внутри явно не было ничего, кроме формальных бумаг.

— Вы вернётесь через три дня, — сказал Клюге. — Напишите отчёт. Мы его опубликуем. И все успокоятся.

Он сказал «мы его опубликуем». Не «вы напишете и мы опубликуем». А — «мы его опубликуем». Как будто отчёт напишут без неё.

Кира кивнула. Встала. Взяла папку.

— Хорошо. Я подготовлюсь.

Она повернулась к двери, но на полпути остановилась.

— Доктор Клюге. Можно один вопрос?

— Да.

— Почему тромб?

Тишина стала ватной. Марта Шнайдер переглянулась с Пьером Дюбуа. Азиат в рубашке впервые за всё время шевельнулся — чуть наклонил голову, будто прислушиваясь.

Клюге не изменил лица.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Британец, которого везли в Берлин. Единственный ла-

бораторно подтверждённый хантавирус. Он умер в воздухе от тромба. При хантавирусе такого не бывает. Я просто подумала... может быть, это важно?

Клюге смотрел на неё несколько секунд. Его глаза были светло-голубыми — почти бесцветными — и не выражали ровным счётом ничего.

— Мисс Соболева, — сказал он мягко. — Вы не вирусолог. Вы аналитик. Не пытайтесь ставить диагнозы. Занимайтесь своей работой.

Кира вышла в коридор, и дверь за ней закрылась с тихим, но отчётливым щелчком.

Она прошла половину коридора, когда её окликнули.

— Мисс Соболева.

Она обернулась. Из-за угла вышел молодой человек — лет тридцати, в дешёвом сером костюме, с тонкими руками и быстрыми глазами. Он выглядел так, будто только что выбежал из туалета, но пытался сохранить достоинство.

— Вы кто? — спросила Кира.

— Никто, — ответил он так быстро, что это прозвучало честно. — Помощник. Один из. Я не должен с вами говорить.

— Тогда зачем говорите?

Он оглянулся на дверь конференц-зала — закрыта, не слышно. Потом посмотрел по сторонам — коридор пуст.

— Потому что я видел, как это работает. Три года назад я был в команде, которая готовила отчёт по вспышке в Индонезии. Тогда тоже говорили «норовирус». Потом умерли двадцать три человека. А отчёт... отчёт всё равно сказал «норовирус». И никто ничего не расследовал.

Кира молчала. Она знала об этой вспышке. Читала отчёт. Действительно «норовирус». Действительно закрыто. Действительно двадцать три трупа.

— К чему вы клоните? — спросила она.

Молодой человек подошёл ближе. От него пахло дешёвым одеколоном и страхом.

— Он отправил вас туда не для того, чтобы вы что-то нашли. Он отправил вас туда, чтобы вы ничего не нашли. Это формальность. Понимаете? Вы едете писать бумажку, которая подтвердит то, что они уже решили.

— А что они решили?

— Что риск низкий. Что ограничения не нужны. Что всё под контролем. Что люди могут ездить в круизы, тратить деньги, не бояться. А те, кто умер — просто не повезло. Кишечная инфекция. Пожилые. Сердце.

Кира посмотрела на папку в руке. Тёмный картон. Герб ВОЗ. И внутри — пустые бланки для отчёта, которые она должна будет заполнить.

— Почему вы мне это говорите? — спросила она.

Молодой человек пожал плечами.

— Потому что вы выглядите как человек, который не лю-

бит, когда ему врут. Таких здесь немного. Может быть, вы что-то найдёте. А может быть, нет. Но хотя бы попытаетесь. А мы с вами оба знаем, что «они» не пытаются.

Он развернулся и ушёл так же быстро, как появился. Шаги затихли в конце коридора.

Кира осталась стоять с папкой в руке.

Она открыла её. Внутри — билет на вечерний рейс, копия мандата ВОЗ, бланк аккредитации для портовых властей, список контактов на Кабо-Верде. И короткая инструкция на трёх страницах.

Ни слова о вирусе. Ни слова о трёх мертвецах. Ни слова о тромбе и кристаллах.

Только «проверить санитарные условия».

Она захлопнула папку и пошла к лифту.

На улице её ждало такси — обычная женеvская «Тойота» с жёлтыми шашечками. Кира села на заднее сиденье, назвала адрес своей квартиры в квартале Пленпале, и водитель — пожилой африканец с седой бородой — кивнул и тронулся с места.

Первые пять минут всё было нормально. Потом Кира заметила его.

Чёрный внедорожник. «Мерседес G-Class». С дипломатическими номерами — на синем фоне белые буквы «CD» (Corps Diplomatique). Он ехал в двух машинах позади,

не приближаясь, не отставая.

Кира проверила: может, просто маршрут совпадает? Свернули направо — внедорожник тоже. Проехали перекрёсток — тоже. Через три квартала она попросила водителя свернуть не туда, куда нужно — в объезд, через промышленную зону.

Внедорожник повернул следом.

— Monsieur, — сказала Кира водителю. — Вы видите эту машину сзади? Чёрный джип.

Старик взглянул в зеркало заднего вида и сразу стал серьёзным.

— Да, мадам. Уже час.

— Можете их оторвать?

— Попробую.

Они нырнули в подземный парковый тоннель, проскочили жёлтый свет, свернули во дворы. Внедорожник не отставал. Будто знал маршрут заранее. Будто им было всё равно, заметит их Кира или нет.

Они выехали к её улице. Кира расплатилась наличными — не хотела оставлять след картой — и вышла из машины, даже не дожидаясь сдачи.

Чёрный внедорожник проехал мимо, не останавливаясь. Но когда Кира уже открывала дверь подъезда, он показался снова — медленно проехал по противоположной стороне улицы, как хищник, который не спешит.

Она зашла внутрь. Поднялась на свой этаж. Выглянула в

окно.

«Мерседес» стоял прямо напротив, у тротуара. Двигатель работал. В салоне было темно.

Кира отошла от окна и села на диван.

Папка лежала на журнальном столике. Тёмный картон. Герб ВОЗ. Билет на вечерний рейс.

Она взяла телефон. Написала Сэму:

«ВОЗ отправляет меня на Кабо-Верде. Проверить санитарные условия. Официальная версия — норовирус. Неофициально — или я плохой аналитик, или меня подставили».

Через минуту ответ:

«Тебе не кажется. Это подстава. Ещё вопросы?»

«За мной следит чёрный внедорожник с дипломатическими номерами. Что думаешь?»

«Думаю, что ты уже в игре. А в игре, Кира, либо бьют первым, либо отыгрывают по правилам, которые написаны не тобой».

Она убрала телефон.

Внедорожник всё ещё стоял у тротуара. Водитель не выходил, не курил, не смотрел в телефон. Просто ждал.

Кира закрыла шторы.

Через шесть часов она будет в самолёте. Через двенадцать — на Кабо-Верде. А за ней по-прежнему будет ехать чёрный внедорожник? Или там её встретят другие?

Она не знала.

Но одно она знала точно: если Ханс Клюге думает, что

она поедет на Кабо-Верде писать бумажку, которую он ей продиктовал, — он глубоко ошибается.

Кира Соболева не была полевым агентом. Не была вирусологом. Не была шпионом.

Но она была аналитиком паттернов.

А паттерн, который она видела сейчас, выглядел так: кто-то солгал о трёх мертвецах. Кто-то скрыл тромб. Кто-то заказал в лаборатории вирус, которого не должно существовать. Кто-то предупредил круизную компанию, но компания не отменила рейс.

И тот, кто чихнул в буфете, до сих пор на борту.

Кира открыла ноутбук и начала собирать вещи.

За окном двигатель внедорожника всё ещё работал.

ГЛАВА 2. «Балтиморская аномалия»

Лаборатория Сэмюэля Диаза находилась в подвале здания биоинженерии Университета Джонса Хопкинса в Балтиморе. Это было не то место, куда водят экскурсии. Никаких стеклянных стен, никаких плазменных панелей, никаких студентов в белых халатах, делающих селфи на фоне центрифуг. Просто коридор с облупившейся краской, дверь с кодовым замком, и за ней — комната двадцать квадратных метров, заставленная оборудованием, которое видело лучшие времена.

Сэм любил это место. Здесь никто не мешал. Здесь не было начальников, которые заглядывали через плечо. Здесь пахло озоном, стерилизатором и старыми книгами — журналами по молекулярной биологии, которые он отказывался выбросить, потому что «в них есть то, чего нет в базах данных».

Сейчас была половина двенадцатого ночи. Сэм не спал уже почти тридцать часов. Красные глаза, небритость, пятно от кофе на футболке с надписью «РНК — это просто ДНК в плохом настроении». Он сидел за рабочим столом, всунув голову в окуляры секвенатора, и ждал.

Образец пришёл из Берлина. Неофициально. Очень

неофициально. Доктор Эрика Фогель — та самая патологоанатом, которая прятала образцы в кармане халата, — переслала ему РНК-экстракт лёгочной ткани пациента. Она не задавала вопросов. Он не задавал вопросов. Идеальные деловые отношения.

Секвенатор пискнул. Сэм поднял голову.

На экране появилась первая картинка — последовательность нуклеотидов, четыре буквы: А, Ц, Г, Т. Десять тысяч символов, которые складывались в геном вируса. Сэм начал читать.

Он знал геном классического хантавируса наизусть. Изучил его ещё в постдокторантуре, когда работал над эволюцией РНК-вирусов. Nantaan — это вирус с минус-РНК, состоящий из трёх сегментов. Средний сегмент кодирует гликопротеины G1 и G2, которые отвечают за прикрепление к клетке-хозяину. Именно там происходят мутации, которые позволяют вирусу перепрыгивать с одного вида на другой.

Сэм пролистал последовательность до середины и замер. — Что за... — пробормотал он.

В позиции 89 второй субъединицы гликопротеина тирозин — аминокислота Tyr — был заменён на гистидин — His. Точечная мутация. Одна буква в генетическом коде. Такое случается. Редко, но случается.

Но следом — в позиции 231 — валин Val был заменён на лейцин Leu. Вторая точечная мутация. На расстоянии четырёхсот нуклеотидов от первой.

Сэм откинулся на спинку стула.

Две точечные мутации в одном гене на расстоянии — вероятность ничтожная. Как если бы два разных метеорита упали в два разных города в одну секунду. Теоретически возможно. Практически — нет.

Он полез в базу данных генетических последовательностей и загрузил эталонный геном классического хантавируса. Сравнил. Ошибки нет. Две мутации. Обе — в функционально значимых доменах. Обе — меняющие структуру поверхностного белка.

— Кто-то игрался, — сказал он пустой комнате. — Кто-то умелый игрался.

Но это было ещё не всё.

Сэм запустил программу моделирования связывания — алгоритм, который предсказывал, с каким рецептором на поверхности человеческой клетки может взаимодействовать модифицированный белок. Обычный хантавирус связывается с рецептором, который называется $\beta 3$ -интегрин. Это хорошо изучено. Надёжно. Предсказуемо.

Программа выдала результат.

Связывание с ACE2 — вероятность 94%.

Сэм уставился на экран. ACE2 — это рецептор, который используют коронавирусы. Тот самый, через который SARS-CoV-2 входит в клетки лёгких. Хантавирусы так не делают. Никогда. Ни одного задокументированного случая.

— Это невозможно, — сказал он вслух.

Он перезапустил программу. Ввёл данные заново. Результат тот же. ACE2.

Сэм снял очки и потёр переносицу.

Модифицированный хантавирус, который связывается с ACE2. Две точечные мутации в критических позициях. И пациент, который умер от тромба, а не от геморрагической лихорадки.

Это не могло быть случайностью.

Это было редактирование.

Кто-то взял хантавирус — относительно безобидный, если не считать контакта с грызунами, — и превратил его в нечто, что атакует лёгкие через тот же рецептор, что и коронавирусы. И при этом вызывает тромбы — то, чего коронавирусы не делает.

— Зачем? — спросил Сэм вслух.

Ответа не было.

Он сохранил данные на защищённый сервер, сделал резервную копию на флешку и убрал флешку в нагрудный карман. Потом посмотрел на время — 11:47 вечера. Домой идти не хотелось. Он достал из ящика стола надувной матрас — рабочее место не предполагало сна, но Сэм спал здесь так часто, что охрана перестала его выгонять.

Он лёг прямо в одежде, закрыл глаза и провалился в тяжёлый сон без сновидений.

Звонок раздался в 1:23 ночи.

Сэм подскочил, как ужаленный. Телефон — его личный мобильный, не рабочий — вибрировал на столе. Номер был скрыт. Не «неизвестный», не «заблокирован», а просто пусто. Такого он никогда не видел.

Он взял трубку.

— Алло?

Тишина. Потом — голос. Мужской. Без акцента, без эмоций, но с лёгкой механической модуляцией, как будто говорили через синтезатор речи.

— Мистер Диаз.

Сэм сел.

— Кто это?

— Неважно. Важно то, что вы нашли то, что не должны были находить. Две мутации, АСЕ2. Очень впечатляюще для человека, который спит на надувном матрасе в лаборатории.

Сэм похолодел. Камера? Жучок? Кто-то следил за ним?

— Я не знаю, о чём вы говорите.

— Ошибаетесь. Вы знаете. Вы нашли то, что нашли. И теперь у вас есть выбор.

— Какой выбор?

Голос вздохнул — механический, неестественный вздох, от которого по коже побежали мурашки.

— Вы остановитесь. Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» прозвучало как издевательство. Его вставили туда, где должна была быть угроза, и это делало

угрозу ещё страшнее.

— А если не остановлюсь?

— Тогда следующее предупреждение будет не словесным.

Гудки.

Сэм опустил телефон. Руки тряслись — от недосыпа, от адреналина, от страха. Он посмотрел на дверь лаборатории. Она была закрыта. Он точно помнил, что закрыл её, когда ложился. Кодовый замок светился зелёным — заперто.

Но когда он перевёл взгляд на свой рабочий стол, сердце ушло в пятки.

Флешка, с которой он снял резервную копию — с защищённого сервера, с данными о мутациях, — лежала на столе.

Он же положил её в нагрудный карман.

Сэм медленно, очень медленно поднял руку и проверил нагрудный карман футболки. Пусто.

Он положил её в карман. Он это помнил. Он закрыл лабораторию. Он лёг спать. Никто не входил. Кодовый замок не открывали — в системе была запись о всех входах и выходах. И всё равно флешка оказалась на столе.

Кто-то был здесь. Пока он спал.

Или — эта мысль была ещё страшнее — кто-то мог быть здесь всегда.

Сэм вскочил, подбежал к двери и проверил замок. Заперто. Потом проверил окно — заклеенное, без ручки, не открывается. Потолок — бетонные плиты, без вентиляционных люков.

Он выругался сквозь зубы.

Потом подошёл к шкафу с реактивами и вытащил оттуда старую коробку из-под перчаток. Внутри лежало то, о чём никто не знал, — спутниковый телефон. Куплен на чёрном рынке два года назад, за наличные, без регистрации. Сэм включил его, набрал единственный записанный номер.

Кира ответила на втором гудке.

— Сэм? Ты знаешь, который час?

— Они знают.

— Кто?

— Те, кто сделал этот вирус. Они знают, что я его расшифровал. Они только что звонили мне на домашний телефон. Сказали «остановитесь, пожалуйста». И забрали флешку у меня из кармана, пока я спал.

— Что значит «забрали из кармана»? Ты её потерял.

— Кира, я положил её в нагрудный карман. Я помню, как засунул её туда. Я закрыл дверь. Я лёг спать. И я проснулся — флешка на столе, карман пуст. У меня нет врагов, которые могут телепортироваться через запертые двери. Это была не потеря.

Тишина. Сэм слышал, как Кира дышит — неровно, тяжело.

— Сэм, — сказала она наконец. — Что ты нашёл?

Он закрыл глаза и начал перечислять:

— Две точечные мутации. Далеко друг от друга. Вероятность случайности — одна на миллиард. И связывание

с АСЕ2. Хантавирус, который ведёт себя как коронавирус. Атакует лёгкие, а не почки. И вызывает тромбы — чего не делает ни тот, ни другой.

— Ты уверен?

— Я перепроверил трижды. Это не природа, Кира. Это лаборатория. Кто-то собрал этого монстра по кусочкам. Хантавирус плюс коронавирус плюс что-то, что отвечает за свёртываемость. У меня нет сомнений.

— Тогда у меня есть ещё один вопрос, — сказала Кира. — Зачем?

Сэм открыл глаза. Экран его ноутбука погас — режим энергосбережения. В комнате было темно, только зелёный глазок кодового замка светился, как глаз хищника.

— Не знаю, — признался он. — Но я собираюсь это выяснить.

— Будь осторожен. Мне только что звонили с угрозами в Женеве.

— Кто?

— Помощник Клюге. Сказал, что меня отправляют на Кабо-Верде, чтобы я ничего не нашла. Чёрный внедорожник ждал меня у дома. Тот же расклад, Сэм. Тот же почерк. Кто-то очень не хочет, чтобы мы копали.

— Тогда давай копать вместе, — сказал Сэм. — Я здесь. Ты там. Хадижу подключим. У неё нюх на данные.

— Я уже ей написала, — ответила Кира. — Она нашла три похожие вспышки за два года. Те же симптомы, те же

лайнеры, тот же диагноз. Хантавирус без грызунов.

— Три?

— Три. И это только те, что попали в новости. А сколько не попали?

Сэм почувствовал холод в животе. Такой же холод он чувствовал в 2020 году, когда первые сводки из Ухани говорили «риск низкий, ограничения не требуются».

— Кира, — сказал он. — Ты летишь на Кабо-Верде завтра?

— Сегодня. Через шесть часов.

— Я с тобой. Не физически, но я буду на связи 24/7. Если что-то пойдёт не так...

— Я знаю. Я позвоню.

— Нет, — перебил Сэм. — Ты не поняла. Если что-то пойдёт не так — ты никому не позвонишь. Потому что у тебя просто не будет возможности. Поэтому слушай меня внимательно. Ты берёшь с собой два телефона. Один — обычный, для них. Второй — спутниковый, как у меня. Ты не пользуешься им, пока не окажешься в ситуации, когда обычная связь отключена. Ты не даёшь его никому. Ты не говоришь о нём вслух. Ты спишь с ним под подушкой. Поняла?

— Поняла.

— И ещё, — он помолчал. — Та фраза на суахили. «Им нужен тот, кто чихнул в буфете». Это ключ. Найди этого человека. Если он ещё жив — он знает больше, чем любой из нас.

— А если мёртв?

— Тогда мы опоздали.

Кира сбросила вызов. Сэм убрал спутниковый телефон обратно в коробку из-под перчаток.

Он подошёл к столу и включил ноутбук. Данные на защищённом сервере были на месте — слава богу, он не хранил всё только на флешке. Но флешка... флешка была на столе. Кто-то вернул её туда. Не украл, не уничтожил, а именно вернул. Как будто хотел сказать: «Мы можем взять что угодно в любой момент. Не забывай».

Сэм посмотрел на дверь. Зелёный глазок кодового замка смотрел на него в ответ.

Он не спал больше в этой лаборатории. Никогда.

Он сел за стол, достал из ящика старую канцелярскую папку и начал писать от руки — всё, что успел запомнить из расшифровки. Две мутации. АСЕ2. Тромб. Кристаллы в лёгких.

Когда он закончил, он спрятал папку под фальшивым дном ящика — туда, где хранил старые лабораторные журналы, которые никто не смотрел.

Потом встал, подошёл к окну и распахнул его. Ночной Балтимор пах выхлопными газами, рекой и чем-то сладким — не то цветы, не то мусор.

На противоположной стороне улицы стоял чёрный фургон без опознавательных знаков.

Сэм закрыл окно и досчитал до ста.

Фургон не уехал.

ГЛАВА 3. «Три новости»

Париж, 18-й округ. Квартал Жуанвиль.

Здесь нет Эйфелевой башни, нет блестящих витрин, нет туристов с селфи-палками. Есть узкие улицы, граффити на стенах, магазинчики халяльной еды и запах жареных каштанов, который смешивается с выхлопными газами. Хадижа Мансар любила этот район за его честность. Никто здесь не притворялся лучше, чем есть.

Её квартира была на пятом этаже без лифта. Двадцать квадратов: кухня, совмещённая с гостиной, спальня-клетушка, душ, который тек, когда сосед сверху включал воду. На стенах — карты мира, исчерканные красными маркерами. На столе — три монитора, два ноутбука, блокноты, стикеры, чашки с остывшим кофе. Хадижа работала из дома, потому что не могла позволить себе офис. И потому, что в редакциях её не слишком жаловали.

«Слишком резкая», — говорили одни.

«Параноик», — говорили другие.

«Права», — не говорил никто.

Сейчас было пять утра. Хадижа не спала уже вторые сутки. Она пила кофе по-турецки — густой, с кардамоном, — который заварила в джезве на плите. Кофе был ритуалом. Единственным ритуалом, который остался от бабушки —

христианки из Бейрута, которая научила её не доверять словам, а доверять документам.

На среднем мониторе была открыта новостная лента. Верхняя строчка: «Вспышка на круизном лайнере у берегов Кабо-Верде: трое погибших, ВОЗ расследует».

Хадижа читала эту новость вчера, сегодня и позавчера. Сначала быстро, потом медленно, потом покадрово, как следователь, разбирающий улики. Каждый абзац, каждая цитата, каждый источник. Она выписала ключевые фразы: «хантавирус», «грызуны не обнаружены», «запрет высадки», «риск низкий».

Потом она открыла архив.

Профессиональная привычка: если происходит странное событие, проверь, было ли такое раньше. Мир не изобретает новые сценарии. Он повторяет старые, меняя имена и даты.

Она ввела поисковый запрос: «круизный лайнер вспышка хантавирус запрет высадки».

Результатов было много — хантавирус встречается в разных частях мира, его фиксируют на круизных лайнерах раз в несколько лет. Обычно с грызунами. Обычно с понятной эпидемиологией.

Но потом Хадижа отфильтровала по фразе «грызуны не обнаружены».

И результат сузился до трёх новостей.

Новость первая. Май 2023. Лайнер «Auroga Dream». Берега Индонезии.

Хадижа открыла ссылку. Статья в сингапурской газете «The Straits Times», архивная, с размытыми фотографиями. На одной — судно, белоснежное, двенадцать палуб, иллюминаторы горят. На другой — люди в защитных костюмах на причале.

«Круизный лайнер Auroga Dream, следовавший из Сингапура в Австралию, был помещён на карантин у берегов Индонезии после того, как у одиннадцати пассажиров были обнаружены симптомы геморрагической лихорадки. Два человека скончались. Предварительный диагноз — хантавирус. Грызуны на борту не обнаружены. Власти Индонезии запретили высадку на 14 дней. ВОЗ направила группу экспертов для расследования».

Хадижа посмотрела на дату. Май 2023. Три года назад. Она открыла вторую вкладку.

Новость вторая. Сентябрь 2024. Лайнер «Northern Star». Берега Норвегии.

Статья в норвежской «Aftenposten». Фото — заснеженный причал, красный крест на вертолёте.

«Круизный лайнер Northern Star, совершавший круиз по

фьордам, был изолирован в порту Тромсё после вспышки неизвестного заболевания. У восьми пассажиров диагностирована геморрагическая лихорадка, один пассажир скончался. Анализы показали наличие хантавируса. Специалисты провели обследование судна, но не нашли признаков присутствия грызунов — основных переносчиков инфекции. Карантин продлился 10 дней».

Сентябрь 2024. Полтора года назад.

Хадижа прокрутила вниз, ища комментарии ВОЗ. Нашла короткую цитату: «Ситуация под контролем. Риск распространения низкий».

Те же слова. Тот же тон. То же обещание, что ничего страшного не происходит.

Она открыла третью вкладку.

Новость третья. Май 2026. Лайнер «Hondius». Берега Кабо-Верде.

Это та самая новость, с которой всё началось. Но сейчас Хадижа смотрела на неё иначе — не как на единичное событие, а как на звено цепи.

«149 человек на борту. Трое погибших. Запрет высадки. Хантавирус. Грызунов нет».

Вот оно. Три вспышки. Три лайнера. Три разных года. Три разных океана. И один и тот же сценарий: приходит корабль,

люди заболевают, кто-то умирает, ВОЗ говорит «риск низкий», и все забывают.

Кроме тех, кто умер.

Хадижа откинулась на спинку стула. Шея затекла, глаза слезились от экрана. Но она чувствовала то, что чувствовала всегда, когда нападала на след: холодный азарт охотника, который знает, что добыча близко.

Она потянулась к клавиатуре и начала писать статью.

«Три вспышки. Три лайнера. Три года.

В мае 2023 года у берегов Индонезии был помещён на карантин круизный лайнер Aurora Dream. Диагноз — хантавирус. Двое погибших. Грызунов не нашли.

В сентябре 2024 года у берегов Норвегии был изолирован круизный лайнер Northern Star. Диагноз — хантавирус. Один погибший. Грызунов не нашли.

В мае 2026 года у берегов Кабо-Верде стоит на якоре круизный лайнер Hondius. Диагноз — хантавирус. Трое погибших. Грызунов не нашли.

Три совпадения. Три «случайности». И один и тот же вопрос: как хантавирус, который передаётся через грызунов, попадает на корабли, где нет грызунов?

Ответа нет. ВОЗ не ищет. Власти не спрашивают. Журналисты не расследуют.

Потому что риск — низкий. А ограничения на поездки —

не нужны.

Но если риск такой низкий, почему умерли шесть человек? И сколько ещё умрёт, прежде чем кто-то задаст правильные вопросы?»

Хадижа перечитала текст. Он был резким. Прямолинейным. Таким, который редакторы называют «конспирологическим», когда не хотят печатать правду.

Она всё равно отправила его в Le Monde — в отдел исследований, с которым сотрудничала последние два года.

Ответ пришёл через двадцать минут. Не от редактора, с которым она работала обычно, а от кого-то выше — главный редактор отдела международных новостей, мужчина с двойной фамилией и тройным чванством.

«Хадижа, здравствуйте. Статью прочитал. Факты интересные, но выводы — извините — пахнут конспирологией. Вы что, предлагаете, что кто-то специально заражает круизные лайнеры хантавирусом? Где доказательства? Где лабораторные подтверждения? Где связь между вспышками? Нет эпидемиологической цепочки. Нет генетического анализа вирусов. Есть только три новости и ваше чутьё. Это не расследование. Это теория заговора. Мы не можем это печатать».

Хадижа перечитала письмо три раза. Потом встала, подошла к окну и глубоко вдохнула холодный парижский воздух. «Теория заговора».

Любимое слово редакторов, которые не хотят копать. Ко-

гда факты неудобные — назови их теорией заговора. Когда кто-то умирает от болезни, которой не должно быть — скажи «низкий риск». Когда трое мертвы, а лайнер стоит в море — разведи руками и переведи взгляд на другую новость.

Она вернулась к столу и посмотрела на три монитора. Aurora Dream, Northern Star, Hondius. Три призрака. Три загадки.

— Ладно, — сказала она себе. — Не печатаете — не надо. Я буду копать дальше. Одна.

Она уже собиралась выключить компьютер, когда в нижнем углу экрана мигнул значок зашифрованного мессенджера — Signal. Новое сообщение. От того же анонимного аккаунта, который писал ей ранее.

Она открыла.

«Вы копаете правильно. Продолжайте. Я за вами наблюдаю. Когда придёт время — я дам сигнал».

Хадижа замерла.

Первая мысль: полиция. Вторая: редакция проверяет, как она отреагирует. Третья: кто-то из тех, кто не хочет, чтобы она копалась.

Но тон сообщения был другим. Не угрожающим. Не предупреждающим. Он был... ободряющим. Будто кто-то стоял за кулисами и аплодировал ей, но пока не решался выйти на свет.

Она уже хотела ответить, когда пришло второе сообщение. С того же аккаунта.

«То, что вы ищете, называется „Сигнатура“. Запомните это слово. Оно вам пригодится».

Хадижа уставилась на экран. «Сигнатура». Она не знала, что это значит, но слово звучало зловеще — как название секретного проекта, как кодовое имя для чего-то, что не предназначено для чужих ушей.

Она сделала скриншот обоих сообщений, сохранила в зашифрованную папку.

Документу с собранными ссылками она дала название: «Сигнатура».

Она не знала тогда, что это слово станет названием целой книги. И что через несколько недель оно будет у неё на устах каждый день.

Но это будет потом.

А сейчас — пять утра. Дождь за окном. И сообщения в Signal, которые никто, кроме неё, не видел.

«Вы копаете правильно. Ждите сигнала».

«То, что вы ищете, называется „Сигнатура“».

Она ждала.

ГЛАВА 4. «Портовая папка»

Остров Сал — это пустыня посреди океана. Песок, соль, ветер и несколько отелей, построенных для туристов, которые прилетают сюда за бесконечным летом. Но сейчас туристов почти не было. Карантин. Лайнер у берега. Три трупа. Люди боялись.

Кира вышла из самолёта в 4:30 утра. Солнце ещё не взошло, но воздух уже был тёплым, пахло морем, рыбой и дизелем. Аэропорт Амилкар Кабрал был маленьким — одно здание, одна взлётная полоса, один багажный транспортёр. Её встречал местный чиновник в белой рубашке с короткими рукавами, с усталыми глазами и одышкой.

— Мисс Соболева? — спросил он, коверкая фамилию.

— Да. Кира Соболева. ВОЗ.

— Меня зовут Жоахим Родригес. Я портовый врач. Прощу за мной.

Он повернулся и пошёл к выходу, даже не проверив её документы. Будто знал заранее, что она приедет. Будто ему сказали: «Встреть эту женщину и сделай так, чтобы она ничего не увидела».

Машина — старый «Тойота Хайлюкс» с потрескавшимся лобовым стеклом — ждала на парковке. Родригес сел за руль, Кира рядом. Когда они выезжали с территории аэропорта, она заметила в зеркале заднего вида чёрный внедо-

рожник с дипломатическими номерами. Те же номера, что в Женеве? Она не успела разглядеть — Хайлюкс свернул на прибрежную дорогу, и внедорожник остался позади.

— Долго вы здесь будете? — спросил Родригес, не глядя на неё.

— Столько, сколько потребуется.

— Мы не можем пустить вас на борт.

— Знаю. Мне уже сказали.

— Карантин. Распоряжение министерства. Только с разрешения президента.

— Я и не прошу на борт сегодня. Сначала я хочу поговорить с вами, с местным персоналом, с теми, кто имел контакт с лайнером до карантина.

Родригес кивнул, но Кира заметила, как его пальцы сжали руль. Белые костяшки. Нервное.

— Как долго вы работаете портовым врачом? — спросила она.

— Двадцать три года.

— Видели что-то подобное раньше?

Он не ответил. Молчал всю дорогу до портового управления — кирпичного здания в колониальном стиле с облезлой краской и кондиционером, который грохотал, как трактор.

Портовое управление встретило её тишиной. Не было суеты, не было чиновников с папками, не было журналистов —

только два охранника у входа и секретарша за столом, которая делала вид, что печатает.

Родригес провёл её в свой кабинет — маленькую комнату с картами на стенах, портретом президента и запахом кофе, который долго стоял в турке. Он указал на стул, сам сел напротив.

— Что вы хотите знать? — спросил он.

— Всё. Как началось. Кто заболел первым. Каковы их симптомы. Что говорят анализы.

Родригес открыл ящик стола, достал папку в синей обложке и положил перед собой. Не открывая.

— Первый заболевший — мужчина, 64 года, гражданин Германии. Поднялась температура, потом рвота, боль в животе. Через два дня — кровотечение из носа. Ещё через день — смерть.

— Дата?

— 11 апреля. Похоронили в море. Тело не сохранили — не было условий.

Кира записала в блокнот. 11 апреля — за три недели до того, как о вспышке узнал мир.

— Второй?

— Женщина, 61 год, гражданка США. Симптомы те же, но быстрее. Умерла через четыре дня после начала симптомов. 15 апреля. К тому моменту мы уже отправили образцы в лабораторию Дакара. Предварительный диагноз — хантавирус.

— Третий?

Родригес помедлил.

— Мужчина, 69 лет, гражданин Великобритании. Симптомы... другие.

— В каком смысле другие?

— Он кашлял. Не кровь, не выделения — просто сухой кашель. И задышался. Как будто лёгкие отказывали.

Кира почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло. Британец. Тот самый, из санитарного рейса. Который шептал на суахили. Которого везли в Берлин. Который умер от тромба.

— Когда он умер?

— 3 мая. В лазарете лайнера. Мы не успели его эвакуировать.

Три смерти. Три даты. 11 апреля, 15 апреля, 3 мая. И между 15 апреля и 3 мая — почти три недели тишины. Будто вирус затаился. Будто кто-то ждал.

— Вы направили образцы в Дакар. Что показали анализы?

— Хантавирус. Штамм Hantaan. Подтверждено методом ПЦР.

— У всех троих?

— Только у британца. Остальные — клинически. Лабораторно подтверждён только один.

Кира записала. Это совпадало с тем, что она уже знала. Но теперь картина становилась объёмнее. Лайнер, на котором три смерти, только один лабораторный диагноз, симптомы разные, а причина одна — хантавирус, которого не может

быть в отсутствие грызунов.

— Вы нашли грызунов на борту? — спросила она.

Родригес покачал головой.

— Ни одного. Команда проверила каждый угол, каждый трюм, каждую кухню. Нет ни крыс, ни мышей, ни следов. Команда удивлена. Капитан говорит, такого не было за десять лет работы.

— Значит, не грызуны.

— Значит, не грызуны, — эхом повторил Родригес.

Наступила тишина. Кондиционер грохотал, где-то за стеной зазвонил телефон, и Кира услышала, как секретарша говорит на креольском — быстро, взволнованно. Она не понимала слов, но интонация была тревожной.

Родригес посмотрел на дверь. Потом перевёл взгляд на Киру. Его глаза — усталые, красные, с сосудиками на белках — вдруг стали серьёзными. Не служебными. А почти испуганными.

— Мисс Соболева, — сказал он тихо. — То, что я сейчас скажу, может стоить мне работы. Или жизни. Я не знаю, кому вы доверяете, но будьте осторожны.

Он открыл ящик стола — не тот, где лежала синяя папка, а другой, с ключом. Достал бумажную папку — старую, потрёпанную, без подписи. Положил её на стол между ними.

— Это оригинальный манифест пассажиров лайнера Hondius. Тот, который мы получили за день до отплытия. Там 147 имён.

Кира нахмурилась.

— Но в сводках ВОЗ — 149 человек на борту.

— Правильно. Потому что в электронную версию, которую я отправил в Женеву, добавили два имени. Двух умерших. Мёртвых людей, которые никогда не поднимались на борт.

Папка лежала между ними. Кира не трогала её.

— Вы говорите, что два из трёх погибших не были пассажирами?

— Да. Их имена появились в манифесте уже после того, как они умерли.

— Зачем?

Родригес пожал плечами. Он смотрел на папку так, будто она была заряжена взрывчаткой.

— Я не know. Может быть, чтобы скрыть настоящую причину смерти. Может быть, чтобы списать вину на лайнер. Может быть, чтобы... — он замолчал, подбирая слова. — Чтобы создать статистику. Чтобы доказательство того, чего не было, стало доказательством того, что было.

Кира взяла папку. Открыла.

Внутри — стопка бумаг, скреплённых скрепками. Списки имён, даты рождения, гражданства, номера паспортов. Два имени были обведены красной ручкой. Она запомнила их: Карл Йенсен, 64 года, Германия. И Марта Йенсен, 61 год, США.

— Они муж и жена? — спросила Кира.

— Да. Первый и второй умершие. 11 и 15 апреля. Их имён не было в оригинале.

— А третьего?

— Третьего — британца — добавили в манифест за два дня до его смерти. Он был в оригинале. Я проверил.

Кира пролистала бумаги. Всё выглядело официально — печати, подписи, штампы. Но она знала, что это такое. Это была фабрикация. Кто-то легализовал двух мёртвых людей, которых не было на борту, чтобы объяснить их смерть.

Но зачем? Зачем кому-то нужны два трупа, которые не плыли на лайнере?

— У вас есть копия этого манифеста? — спросила Кира.

— Нет. Это единственный экземпляр. Я спрятал его, когда понял, что электронную версию изменили.

— Почему вы мне это отдаёте?

Родригес посмотрел ей в глаза. В его взгляде была усталость человека, который слишком долго носил чужую тайну.

— Потому что я старей. Потому что у меня внуки. Потому что я хочу смотреть им в глаза, когда умру. И потому что вы — первая за три года, кто задал правильные вопросы.

— Какие вопросы?

— Не о грызунах. Не о карантине. О том, почему умершие люди не плыли на этом корабле.

Кира закрыла папку и убрала её в дипломат.

— Я сохраню это в безопасности.

— Берегите себя, мисс Соболева. Они уже know, что вы

здесь. Они уже know, что вы спросили. И они не любят тех, кто задаёт правильные вопросы.

Она встала. Родригес тоже поднялся — с трудом, держась за край стола.

— Кто «они»? — спросила Кира.

— Я не знаю их названия. Но их люди есть везде. В порту, в правительстве, в ВОЗ. Они не носят масок. Они выглядят как обычные чиновники. Но когда они звонят — ты не можешь сказать «нет».

Она поблагодарила его и вышла из кабинета. Секретарша за столом уже не печатала. Она смотрела на Киру. Без враждебности. Без любопытства. Просто — смотрела.

Кира вышла на улицу.

Солнце уже вошло, но небо было серым от пыли и морской соли. Порт жил своей жизнью — грузчики тащили ящики, рыбаки чинили сети, чиновники курили у входа. Никто не смотрел на лайнер, который стоял на рейде в полукилометре от берега. Белоснежный, двенадцать палуб, иллюминаторы тёмные. Как призрак.

Кира достала телефон, чтобы позвонить Сэму. Но передумала. Слишком много чужих глаз. Она убрала телефон, села в такси и поехала в гостиницу — маленький отель на окраине города, где останавливаются только командировочные.

Она не спала. Весь день разбирала бумаги, фотографиро-

вала каждую страницу манифеста, отправляла зашифрованные файлы на три разных облачных хранилища. Потом перепроверила имена обведённых красным. Карл Йенсен, 64 года. Марта Йенсен, 61 год. Муж и жена. Германия и США.

Она зауглила их. Ничего. Никакой информации. Как будто их никогда не существовало.

В 9 вечера она поужинала в гостиничном ресторане — рис с рыбой и местное пиво. За соседним столиком двое мужчин в лёгких костюмах говорили по-английски с акцентом, который она не могла определить. Они не смотрели на неё. Но она чувствовала их взгляды.

Она легла в 11. Поставила будильник на 6 утра — хотела успеть в порт до того, как начнётся официальная волокита.

В 5:47 утра зазвонил телефон. Не будильник.

Она подняла трубку. Это был Сэм.

— Кира. Включи новости.

— Что случилось?

— Тот врач. Родригес. Он мёртв.

Кира села на кровати.

— Как?

— Официально — сердечный приступ. Неофициально — его нашли утром в кабинете. Лицом в стол. Рука на папке. Той самой, которую он тебе дал. Но папка была пуста.

Она почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Пуста?

— Пуста. Кто-то забрал документы. Или их там никогда

не было. Или... Кира, его убили. Не сердце. И ты знаешь это так же хорошо, как я.

Она посмотрела на дипломат в углу комнаты. Папка была там. Фотокопии — на облаке. Но бумажный оригинал, тот самый, который дал ей Родригес, — лежал у неё в номере.

А в кабинете портового врача нашли пустую папку.

Кто-то знал. Кто-то пришёл за уликами.

Но Родригес успел отдать их ей.

И заплатил за это жизнью.

— Кира, — голос Сэма был тихим и жёстким. — Уезжай оттуда. Сейчас же. Пока они не поняли, что у тебя есть оригинал.

— Я не могу. Я ещё не была на лайнере.

— Ты не попадёшь на лайнер. Они не пустят. И теперь, когда Родригес мёртв, у тебя нет защиты. Ты — следующая.

Она встала, подошла к окну. На улице, у входа в отель, стоял чёрный внедорожник с дипломатическими номерами.

Тот же самый, что в Женеве. Или другой. Не важно. Они были здесь.

— Слишком поздно, Сэм, — сказала Кира. — Они уже здесь.

Она сбросила вызов.

Положила дипломат в рюкзак. Сунула туда паспорт, спутниковый телефон, запасную банковскую карту.

И вышла через чёрный ход.

За завтраком никто не смотрел на неё. Внедорожник у входа исчез. Двое мужчин из ресторана сидели в лобби с газетами.

Она взяла такси до порта, но ворота были закрыты. Охранник, молодой парень с автоматом, покачал головой: «Без пропуска нельзя. Распоряжение министерства».

Кира предъявила удостоверение ВОЗ. Он пожал плечами. «Не важно. Даже президент не пройдёт без пропуска».

Она вернулась в отель. Позвонила в Женеву. Ключе не взял трубку. Его помощник — тот самый молодой человек в сером костюме — ответил на пятый гудок.

— Мисс Соболева. Я слышал о Родригесе. Сочувствую.

— Мне нужен пропуск на борт. Сделайте что-нибудь.

— Я не могу. Доктор Ключе сказал, что вы должны вернуться. Ваша миссия закончена. Вы подготовите отчёт на основе доступных данных.

— Каких данных? Единственный человек, который говорил правду, мёртв. А доступные данные — это ложь.

Помощник помолчал.

— Берегите себя, мисс Соболева. Иногда правда не стоит того, чтобы за неё умирать.

Он повесил трубку.

Кира сидела на кровати, сжимая телефон. За окном — чёрный внедорожник вернулся. Теперь он стоял прямо напротив отеля.

Она открыла дипломат. Достала папку. Перелистнула страницы.

Карл Йенсен. Марта Йенсен. Два имени. Два трупа. Два человека, которые никогда не были на Hondius, но умерли так же, как те, кто был.

И третий — британец, который был. И который шептал о том, кто чихнул в буфете.

Кира закрыла папку.

Родригес умер за эту папку. Теперь она принадлежала не ВОЗ. Не полиции. Не правительству Кабо-Верде.

Она принадлежала Кире. И она не отдаст её никому.

Она взяла рюкзак, проверила, что спутниковый телефон заряжен, и вышла из номера.

Чёрный внедорожник всё ещё ждал.

Она прошла мимо него, не ускоряя шаг. Внедорожник не тронулся.

Кира свернула за угол, нырнула в переулок, вышла к набережной. Села в маршрутку, которая шла в аэропорт.

Через три часа она будет в Дакаре. Через шесть — на связи с Сэмом и Хадижей. Через сутки — в Лиссабоне, где они планировали встретиться.

А Родригес останется здесь. В земле, которая не спросит, почему он умер.

Кира закрыла глаза и пообещала себе: она найдёт тех, кто это сделал.

Даже если это будет стоить ей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.